

Научная статья

УДК 82–31

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.01

МОТИВ «ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ» В ПОВЕСТИ С. КИНГА «ТУМАН»

Баранова Ксения Михайловна¹,
Федоренко Ольга Ярославовна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ BaranovKM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>,

² FedorenkoOYa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3586-6843>

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ особенностей мотива «предопределение» в повести знаменитого американского писателя С. Кинга «Туман». Для выявления специфики указанного мотива проведено подробное исследование образов персонажей, символов, а также аллюзий в произведении.

Ключевые слова: предопределение; литературный мотив; американская проза; фантастика.

Для цитирования: Баранова К. М., Федоренко О. Я. Мотив «предопределение» в повести С. Кинга «Туман». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 7–17. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.01

Благодарности: Статья выполнена в рамках научной школы Института иностранных языков МГПУ «Проблемы современного зарубежного литературоведения».

Original article

THE MOTIF OF PROVIDENCE IN S. KING'S STORY «THE MIST»

Kseniya M. Baranova¹,
Olga Ya. Fedorenko²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ BaranovKM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>,

² FedorenkoOYa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3586-6843>

Abstract. The article explicates typical features of the motif *providence* in the story «The Mist» by a famous American writer S. King. To identify specific features of the motif under study the authors of the article made a detailed investigation of the characters of the book as well as its symbols and allusions.

Keywords: providence; literary motif; American prose; fantasy.

For citation: Baranova K. M., Fedorenko O. Ya. The Motif of Providence in S. King's Story «The Mist». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education.* 2022; 46 (2): 7–17. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.01

Acknowledgments: The article was written within the framework of the MCU scientific school «Problems of Contemporary Foreign Literary Criticism», Institute of Foreign Languages.

Как известно, американская англоязычная литература берет свое начало еще в XVII в. и создается на территориях первых поселений Новой Англии. Уникальность словесного творчества того исторического периода можно усмотреть в активном использовании писателями-колонистами постулатов христианской церкви. Среди последних центральное место занимает категория *предопределение*, также известная под терминами *провиденциальность* и *провидение*. Разработанная еще в IV столетии Августин-ом Блаженным, одним из знаковых христианских мыслителей, эта концепция становится чуть ли не центральным вопросом теологии в эпоху Реформации в XVI в. и получает в дальнейшем множественную трактовку.

Первые переселенцы-пуритане перенесли европейские реформаторские идеи на земли Нового Света. Они представляют собой основу формирования американской ментальности и культуры в целом. Анализируя толкования термина *предопределение*, данные в современных англоязычных толковых словарях (Collins Dictionary, Merriam Webster Dictionary), исследователи отмечают, что их составители трактуют анализируемую категорию или как самого Бога, являющегося источником всего сущего на Земле, или как даруемые Им спасение, защиту и милость [1, с. 449–450]. Таким образом, можно судить о широком спектре значений термина «предопределение».

Идея провиденциальности уже давно превратилась в устойчивый литературный мотив. В американской литературе XVII в. ученые выделяют «целый ряд мотивов, которые <...> можно полагать сквозными и рассматривать как источник развития основных тем американской литературы на протяжении нескольких столетий» [2, с. 3–4]. Несмотря на то что за три века истории США в государстве произошли значительные изменения, повернувшие вектор его развития в сторону мультиэтничности и многоконфессиональности, отголоски пуританского прошлого по-прежнему слышны в произведениях современной американской литературы. Возникший как часть пуританского этоса, мотив *предопределение* звучит в сочинениях постмодернистов и метамодернистов, органично вписываясь в эстетику эпохи.

Среди американских авторов XX–XXI вв., в творчестве которых религия играет важную роль, можно выделить Стивена Кинга (Stephen King, 1947), которого исследователи и критики заслуженно называют классиком современной фантастики. Как известно, он воспитывался в традициях методистской церкви: регулярно ходил на воскресную службу и посещал библейскую школу. В интервью журналу Роллинг Стоун (Rolling Stone) писатель признается, что в достаточно раннем возрасте его начали посещать сомнения относительно некоторых религиозных постулатов, которым он должен был следовать. Вместе с тем Кинг отмечает, что не утратил веру в Бога, но старался при этом не причислять себя к какой-то конкретной конфессии [3, URL]. Примечательно то, что отношение к провидению в методизме весьма неоднозначно. Его основатель Джон Уэсли (John Wesley) отвергал догмат Жана Кальвина (Jean Calvin) о двойном предопределении. Вместе с тем пуританское влияние на заре зарождения государства на землях Северной Америки было столь велико, что рассматриваемый мотив появляется в сочинениях различных американских авторов независимо от их веры и этнической принадлежности.

Значимыми аспектами доктрины предопределения являются наказание и спасение человечества, вмешательство Высших сил, избранность некоторых людей по сравнению с другими, греховность и праведность. Они нередко встречаются в произведениях фантастики, особенно в антиутопических и постапокалиптических сочинениях, поскольку их персонажи, традиционно помещенные в условия катастрофы или конца света, пытаются выжить и освоиться в новой действительности. Мотив *предопределение* можно усмотреть и в повести С. Кинга «Туман» (The Mist, 1980), также выступающей генератором основополагающих философских смыслов [4].

События анализируемого произведения развиваются в XX в. в городе Бриджтон (Bridgton) на севере Новой Англии. Выбор писателем именно этой географической зоны в качестве места действия повести неслучаен, ведь сам С. Кинг является уроженцем штата Мэн, а потому, как никто другой, знаком с порядками и нравами северо-востока страны, исторически связанного с пуританской культурой. Композиционно начало повести совпадает с необычайно

сильной бурей, которая, разразившись в тихом городке после череды жарких дней, полностью меняет привычный для местных жителей ритм жизни. В результате стихийного бедствия Бриджтон оказывается лишенным электроэнергии и телефонной связи. Однако среди последствий бури наиболее ужасающе выглядит неестественно белый густой туман, который сплошной ровной полосой приближается к городу и постепенно окутывает его, ухудшая общую видимость и лишая жителей солнечного света.

Наутро после грозы художник Дэвид Дрейтон (David Drayton), от лица которого и ведется повествование, со своим сыном Билли (Billy) и соседом Brentом Нортоном (Brent Norton) отправляются в центр города за покупками. Добравшись до магазина «Федерал фудс» (Federal Foods) и очутившись в толпе жителей, сметающих все товары с полок и стеллажей, Дэвид начинает понимать, что происходит что-то серьезное. Описывая туман, автор подчеркивает неординарность феномена и даже сравнивает увиденное главным героем с ошеломляющим киноэффектом из картин Виллиса О'Брайана (Willis H. O'Brien) или Дугласа Трамбулла (Douglas Trumbull). Как следует из развития сюжета, именно это природное явление представляет для персонажей повести основную опасность. Выясняется, что во мгле густого тумана скрываются настоящие монстры, загадочные плотоядные создания, для которых охваченные паникой и дезорганизованные посетители магазина становятся легкой добычей.

Отныне основная задача Дэвида, от которого зависит жизнь и безопасность его пятилетнего сына, — пережить жестокие атаки невиданных чудовищ. Личность протагониста вряд ли может претендовать на исключительность. Напротив, С. Кинг помещает в центр водоворота событий не сверхчеловека, а простого обывателя, которому совсем не чужды такие качества, как жадность, ревность, гнев и сладострастие, отражающие негативные проявления в действиях представителей Homo sapiens. Однако фигура Дэвида Дрейтона, далекого от идеала добродетели и негреховности, примечательна, прежде всего, как образ художника. «Постижение собственного “Я”, его самобытной роли в течение жизни неизбежно начиналось с вопроса о том, способен ли человек определять ход собственной жизни» [5, с. 121]. Сам Дэвид отмечает, что его полотна отнюдь не шедевры, а выставки не всегда удачны, что он давно уже начал заниматься коммерческой живописью, оставив попытки превзойти отца, который действительно был талантливым художником. В определенной степени принадлежащий миру искусства герой обладает особым видением происходящих вокруг него событий и явлений. Данная способность позволяет ему улавливать то, что недоступно органам чувств иных людей, весьма далеких от творческого процесса.

Согласно пуританскому мировоззрению, воля Всевышнего не всегда проходит незамеченной для смертных, очень часто являя себя на Земле в виде знамений. Но лишь избранным дано священное право стать свидетелями последних, разглядеть их в потоке мирской суеты. Отрезок жизни главного

героя, представленный на страницах повести, в некотором смысле является описанием различных символов и предзнаменований. Одним из художественных решений, принятых С. Кингом в его сочинении, становится включение в нарратив эпизодов видений протагониста. Появляются они как в форме снов, так и в виде фантазий молодого человека и обозначаются в тексте повести лексемами *dream*, *vision*. В этом приеме С. Кинга можно усмотреть характерное для литературы постмодернизма обращение к средневековому жанру видения, некогда чрезвычайно распространенному в христианской литературе. Так, исследователи отмечают, что герои произведений этого жанра «не просто уходят в мир грез, дальних путешествий, но глубоко погружаются в свои сны и видения <...> [которые] обретают форму назойливых бредней, заменяющих реальность быта, иногда необычайных откровений о миропорядке, в котором сосуществуют различные формы жизни» [6, с. 261].

В повествовании речь идет о нескольких видениях протагониста. Одно из них посещает героя повести в самом начале бури. Дэвид наблюдает за смерчем, удивительным природным явлением, завораживающим своей пугающей красотой. Его жена и сын тоже останавливаются перед большим панорамным окном, чтобы посмотреть на буйство природы. В этот момент молодой человек чувствует, что ветер может разбить стекло, а острые осколки — поранить близких ему людей. Дэвид уводит своих родных подальше от этого места, чтобы избежать трагических последствий. Примечательно, что ночью панорамное окно все-таки разбивается, но это происшествие не приводит к несчастному случаю. Причиной инцидента становится падение старой березы, которая с незапамятных времен росла у входа в погреб. Она была чрезвычайно дорога герою. По его собственному признанию, это было единственное дерево на берегу, которое он не собирался спиливать. Падение березы в каком-то смысле может служить символом грядущих перемен, которые должны произойти в жизни мужчины и его знакомых.

Об этом же свидетельствуют мысли Дэвида по поводу сарая, принадлежащего семейству Эллич (Ellitch). Каждую осень протагонист повести ожидает, что ветхая, поросшая травой и цветами постройка не переживет зиму, но каждую весну это строение по-прежнему оказывается на своем месте. Однако после бури от сарая остаются лишь обломки. Не менее важным символом для развития сюжета становится упавший в воду флаг США, который Билли находит наутро после бури. Флаг (Old Glory) — элемент главной государственной символики. В его полосах и звездах, а также в сочетании цветов (красный, темно-синий и белый) воплощены идеалы, принципы и ценности американского общества. Но в падении флага можно усмотреть намек на то, что в скором времени в стране произойдут события, которые заставят американских граждан задуматься о переоценке существующих ценностей.

Непосредственно в ночь бури Дэвида посещает необычный сон. Из рассказа мужчины следует, что в этом видении он становится свидетелем появления

Бога в городе Харрисон (Harrison), расположенном на противоположном берегу озера. Традиционно в европейской литературе начиная со времен Средневековья жанр видений имел дидактический характер, а одной из важнейших его функций «полагалась возможность посредством него достичь контакта с Богом» [7, с. 195]. Поэтому нередко подобные сны-видения «включали в себя явления призраков, эсхатологические черты» [Там же]. Данный процесс читатели могут наблюдать и в повести «Туман». По словам Дэвида, в его сне Всевышний предстает в виде колосса, исчезающего на фоне голубого неба. Во сне главный герой отчетливо слышит хруст деревьев, которые ломаются под исполинскими ступнями Господа, который направляется к Бриджтону. Встречающиеся на пути Создателя дома вспыхивают, охваченные фиолетово-белым пламенем. Все вокруг покрывается белым, похожим на туман дымом.

У читателя складывается впечатление, что приведенное описание служит иносказательной референцией к тому, что на самом деле происходит за окном дома героя. По всей вероятности, верный пуританским принципам, некогда главенствующим на территории родных новоанглийских земель, С. Кинг вводит в образную галерею произведения фигуру Вседержителя, в руках которого, согласно идее провиденциальности, ныне находятся судьбы Его детей. Это не всепрощающий Отец, но непостижимая сила, жестоко карающая все живое. Сон Дэвида действительно можно назвать вещим, поскольку уже утром его домочадцы становятся свидетелями того, что тот самый берег, который протагонист отчетливо видел в своем сне, теперь оказывается полностью скрытым полосой белого тумана.

В анализируемом сочинении представлены и другие эпизоды видений главного героя. Подчеркнем, что все они являют собой некие знаки, символы, служащие своеобразной подсказкой Дэвиду для того, чтобы он смог понять происходящие вокруг него события. Тем не менее, как и в случае с первыми пуританскими переселенцами, сила обладания даром осознавать Божественное присутствие состоит в грамотной трактовке тех или иных проявлений Высшей воли, поскольку «первые переселенцы руководствовались необходимостью осознания воли Господа, а потому истолковывали все происходящее с ними с позиции Божьего Промысла» [8, с. 9].

Не только образ Дэвида Дрейтона становится выразителем идеи предопределения в повести «Туман». Немаловажную роль в реализации анализируемой культурно-исторической и литературной категории играет антагонист произведения, миссис Кармоди (Mrs. Carmody), владелица небольшого магазинчика в городе. С. Кингу удается создать весьма неоднозначный образ, который в своей основе содержит нечто поистине зловещее. Дама представляет собой тип человека, который под маской набожности и религиозности прячет лицо не очень приятного индивида, делающего все возможное для достижения поставленной цели. По сути, это желание путем манипуляций и обмана самоутвердиться, заставив других поверить в свою значимость, уникальность и даже избранность. При этом антигероиня объясняет и оправдывает собственные

действия якобы их богоугодностью и провиденциальностью. Женщина оказывается в числе посетителей магазина как раз в тот злополучный день, когда округу окутывает туман.

Опасная ситуация, в которой местные жители вынуждены противостоять чудовищам, пытаясь сохранить самообладание и спасти свою жизнь, по-настоящему выгодна для миссис Кармоди. Она начинает запугивать простых посетителей магазина, предсказывая всем неминуемую смерть, тем самым делая их еще более уязвимыми: «It's the end, I tell you. The end of everything. It's the Last Times. The moving finger has writ, not in fire, but in lines of mist. The earth has opened and spewed forth its abominations»¹ [9, p. 94]. С одной стороны, эсхатологические образы, намеренно воссозданные антигероиней в ее речи для устрашения местной публики, могут восприниматься как референция к Армагеддону, описанному в Откровении Иоанна Богослова. С другой стороны, в приведенной выше цитате обращает на себя внимание словосочетание *the moving finger*, которое позволяет усмотреть здесь косвенную аллюзию к ветхозаветной Книге пророка Даниила. Речь идет о сцене во время пира вавилонского царя Валтасара, когда таинственная рука начертала на стене предсказание о неминуемой гибели властителя и падении его государства.

Для сравнения отметим, что главного героя повести действительно посещают видения, не лишённые смысла. Однако Дэвид, в отличие от миссис Кармоди, не стремится поделиться их содержанием с окружающими и тем более позиционировать себя как человека, которому открылись Божественные истины. Наличие же дара предвидения у антигероини вызывает определенные сомнения. При первом знакомстве с ней люди не чувствуют ничего, кроме отвращения и раздражения. Тем не менее со временем, особенно когда жители сталкиваются со смертью сограждан, к ее словам начинают прислушиваться. Вокруг женщины образуется круг преданных почитателей, жадно внемлющих ее так называемым проповедям. Толпа вокруг «предсказательницы» неуклонно растет и вскоре превращается в группу фанатиков, дружно раскачивающихся взад-вперед в такт ее речам. Растущая популярность миссис Кармоди среди присутствующих объясняется в повести следующим образом: «When the machines fail <...> when the technologies fail, people have got to have something»² [9, p. 165]. Они чувствуют поддержку в «провиденциальных» заявлениях дамы. Страх является сильным оружием, способным побуждать массы к действию. В данном случае сила миссис Кармоди заключается в ее способности вселять в людей ужас с помощью слова. Примечательно, что сам Дэвид неоднократно сравнивает женщину с ведьмой и не видит в ней никакого Божественного начала.

¹ «Это конец, говорю я вам! Конец всему! Перст Божий вывел строку приговора не огнем, а туманом. Земля разверзлась и исторгла чудовищ...» [10, с. 93].

² «Когда машины выходят из строя <...>, когда технология терпит крах, когда система привычных религий рушится, людям все равно нужна какая-то опора» [10, с. 158].

Наслаждаясь вновь обретенной властью и влиянием, миссис Кармоди явно забывает об истинных христианских ценностях и заповедях, в числе которых, например, имеется запрет на убийство. Напротив, она предлагает принести кровавое жертвоприношение, чтобы избавиться от плотоядных тварей: «It's expiation gonna clear away this fog! <...> And what does the Bible say expiation is? What is the only cleanser for sin in the Eye and Mind of God? <...> Blood»³ [9, p. 173]. Произнося эти слова, по признанию Дэвида, миссис Кармоди всем своим видом воплощает безумные пережитки некогда распространенного на землях Новой Англии пуританизма. Примечательно, что реплика пожилой дамы об искуплении противоречит тезисам Августина Блаженного о благодати и предопределении, основная идея которых состоит в том, что искупление возможно лишь в виде Божественного дара: «Сами мы не можем его достичь, это должно быть сделано за нас <...> средство к спасению находится вне человечества, в Самом Боге» [11, URL].

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что С. Кинг делает своих персонажей выразителями идеи о том, что приверженцы новоанглийского пуританизма, целью которого изначально были свобода вероисповедания, равенство и следование Божьим предписаниям, не всегда соответствовали созданному ими этическому кодексу. Порой колонисты прибегали к крайним мерам и готовы были осудить и даже приговорить к смерти любого, кто не вписывался в парадигму их собственных взглядов. Нередко среди первых переселенцев встречались крайне «набожные» люди, которые были склонны сильно преувеличивать степень влияния провиденциальности на свою жизнь. Самые обыкновенные бытовые ситуации трактовались ими как проявления Божьей воли, особые знаки, посланные свыше, а не простое стечение обстоятельств.

Используя образ миссис Кармоди, американский писатель как бы намекает на то, что не всегда те, кто получает власть, действительно являются носителями верных идей и принципов. Эти люди также подвержены соблазну, они могут поддаться гордыне, что и демонстрирует миссис Кармоди, называющая себя *Матерью Кармоди* (*Mother Carmody*), вероятно, с целью сблизиться с окружающими, создавая образ всеобщего родителя. Отечественные литературоведы указывают, что «чем более человек удовлетворён своим предназначением, чем с большим апломбом и самодовольством он воспринимает себя как носителя истинной добродетели и невинности, тем скорее подобный индивид имеет основание превратиться в свой антипод и стать вместилищем реального зла или порока» [12, с. 13]. Это утверждение явно можно отнести к характеристике антигероини.

Дэвид понимает, что за действиями миссис Кармоди стоит отнюдь не пуританизм, но нечто более древнее, темное и глубокое: «Puritanism had its own

³ «Искупление разгонит туман! Искупление сметет этих чудовищных монстров! <...> А что есть искупление по Библии? Что есть единственное средство, снимающее грех в глазах и разуме Божьем? <...> Кровь» [10, с. 165].

dark grandfather, old Adam with bloody hands»⁴ [9, p. 101]. Аллюзия к образу библейского Адама появляется в вышеприведенной цитате неслучайно. Первый человек и прародитель всех людей является одновременно и первым грешником. Именно по причине грехопадения Адама и Евы все люди оказались смертными, отмеченными грехом от рождения.

Миссис Кармоди становится серьезным препятствием для Дэвида Дрейтона и других посетителей магазина, поддержавших его в решении покинуть опасное место. В тот момент, когда они пытаются выйти из магазина, антигероиня демонстрирует исключительную активность, продолжая вести неистовую проповедь и склоняя своих верных адептов к совершению кровавого жертвоприношения. Однако планам пожилой дамы не суждено сбыться. Пророческая фраза «You will all die out there»⁵ [9, p. 176], которая подобно рефрену звучит из ее уст на протяжении всей повести, становится последним предложением, произнесенным ею перед смертью. Многие из тех, кто поддерживает Дэвида в его желании выбраться из «Федерал Фудс», погибают. Судьба самого протагониста и его сына Билли неизвестна. С. Кинг оставляет финал открытым, создавая особое игровое пространство путем использования авторских литературных схем и моделей. Как отмечают современные исследователи, «читатель всегда достраивает эту модель в процессе чтения, а автор стремится организовать повествование так, чтобы ее не разгадали до конца» [13, с. 37–38].

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что в повести «Туман» С. Кинг создает два ярких образа, причем оба они выражают идею предопределения, — это фигуры простых американцев, чья жизнь оказалась нарушенной из-за чрезвычайных обстоятельств. Но, как известно, именно невероятные, из ряда вон выходящие происшествия нередко становятся проверкой для личности на предмет наличия или отсутствия у нее истинной добродетели. События, изложенные в анализируемом сочинении, показаны автором через призму сознания Дэвида Дрейтона, который явно обладает неким даром предвидения, о чем читатели узнают, наблюдая за тем, как герой анализирует все происходящее с ним и окружающими его людьми. Образ его антагониста — миссис Кармоди — это образ человека, который склонен позиционировать себя как визионера. Дама, примеряя на себя профетическую личину, на самом деле просто обманывает окружающих, манипулируя ими. Она пытается узурпировать власть с целью распространить ее на всех местных жителей. В реальности же даром распознавать Божественные знаки она не располагает. Вот почему можно утверждать, что предопределение в ее лице представлено в ложной форме. Все вышесказанное позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, идея предопределения в повести превращается

⁴ «У пуританства есть свой мрачный праотец, старый Адам с окровавленными руками» [10, с. 100].

⁵ «Вы все умрете там» [10, с. 169].

в ярко выраженный лейтмотив, получая амбивалентную репрезентацию. В этом факте можно усмотреть неоднозначное отношение самого писателя к данной пуританской максиме. Во-вторых, активное обращение С. Кинга к идее провиденциальности позволяет говорить о ее значимости и художественном потенциале в литературе наших дней.

Список источников

1. Федоренко О. Я. Мотив «предопределение» в американской драматургии XX столетия (на примере пьесы Т. Уильямса «Ночь игуаны»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019; 12 (Вып. 3): 449–452.
2. Баранова К. М. Образ Нового Адама в американской литературе колониального периода (религиозный, гражданский и личный идеалы): монография. М.: МГПУ; 2014. 148 с.
3. Stephen King: The Rolling Stone Interview URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-features/stephen-king-the-rolling-stone-interview-191529/> (дата обращения: 17.10.2021).
4. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. М.: Диона; 2019. 112 с.
5. Чупрына О. Г., Баранова К. М., Меркулова М. Г. СУДЬБА как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018; (3): 120–125.
6. Зумбулидзе И. Г. Сновидение как «иная реальность» в литературе постмодернизма. OPEN INNOVATION: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение»; 2018: 260–263.
7. Патронникова Ю. С. Ренессансное видение мира в романе Франческо Колонны «Гипнэротомасия Полифилла». Мифологема сна. *Искусствознание*. 2014; (1–2): 193–210.
8. Афанасьева О. В. Развитие и трансформация мотива «предопределение» в американской литературе XVII–XIX веков. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2012; 2 (10): 8–15.
9. King S. *Skeleton Crew*. London: Hodder & Stoughton; 2012. 770 p.
10. Кинг С. Команда скелетов: [сб. рассказов: пер. с англ.]. М.: АСТ; 2017. 736 с.
11. Макграт А. Богословская мысль Реформации. URL: <https://www.reformed.org.ua/2/32/6/McGrath> (дата обращения: 20.10.2021).
12. Баранова К. М. Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу. *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2011; 1 (7): 8–13.
13. Нефедова О. И., Савинич С. С., Федоренко О. Я. Перевод американской литературы XXI в.: учебное пособие. М.: Перо; 2021. 86 с.

References

1. Fedorenko O. Ya. Motiv «predopredelenie» v amerikanskoj dramaturgii XX stoletiya (na primere p'esy` T. Uil'yamsa «Noch' iguany`»). *Filologicheskije nauki. Voprosy` teorij i praktiki*. 2019: 12 (Vy`p. 3): 449–452. (In Russ.).
2. Baranova K. M. Obraz Novogo Adama v amerikanskoj literature kolonial'nogo perioda (religiozny`j, grazhdanskij i lichny`j idealy`): monografiya. M.: MGPU; 2014. 148 s. (In Russ.).

3. Stephen King: The Rolling Stone Interview URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-features/stephen-king-the-rolling-stone-interview-191529/> (Retrieved from: 17.10.2021).
4. Amerikanskaya kul'turno-yazy'kovaya kartina mira XIX veka: vremya, svoboda, sud'ba, odinochestvo, dostoinstvo / O. V. Afanas'eva, K. M. Baranova, V. S. Mashoshina, O. G. Chupry'na. M.: Diona; 2019. 112 s. (In Russ.).
5. Chupry'na O. G., Baranova K. M., Merkulova M. G. SUD'BA kak kontsept v yazy'ke i kul'ture. *Voprosy`kognitivnoj lingvistiki*. 2018; (3): 120–125. (In Russ.).
6. Zumbulidze I. G. Snovidenie kak «inaya real'nost'» v literature postmodernizma. OPEN INNOVATION: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Penza: MTSNS «Nauka i Prosveshhenie»; 2018: 260–263. (In Russ.).
7. Patronnikova YU. S. Renessansnoe videnie mira v romane Franchesko Kolonny` «Gipne`rotomaxiya Polifilla». *Mifologema sna. Iskusstvoznanie*. 2014; (1–2): 193–210. (In Russ.).
8. Afanas'eva O. V. Razvitie i transformaciya motiva «predopredelenie» v amerikanskoj literature XVII–XIX vekov. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2012; 2 (10): 8–15. (In Russ.).
9. King S. *Skeleton Crew*. London: Hodder & Stoughton; 2012. 770 p.
10. King S. *Komanda skeletov*: [sb. rasskazov: per. s angl.]. M.: AST; 2017. 736 s.
11. Makgrat A. Bogoslovskaya my'sl' Reformatsii. URL: <https://www.reformed.org.ua/2/32/6/McGrath> (data obrashheniya: 20.10.2021). (In Russ.).
12. Baranova K. M. Vedushhie lejtmotivy` rannej amerikanskoj slovesnosti i ix vliyanie na sovremennuyu literaturu. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2011; 1 (7): 8–13. (In Russ.).
13. Nefedova O. I., Savinich S. S., Fedorenko O. Ya. *Perevod amerikanskoj literatury` XXI v.: ucheb. posobie*. M.: Pero; 2021. 86 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Ксения Михайловна Баранова — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Ольга Ярославовна Федоренко — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Kseniya M. Baranova — Doctor of Philology, full professor, Head of English philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Olga Ya. Fedorenko — PhD (Philology), associate professor of English philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.